

Панельная дискуссия К КАКОМУ ТИПУ ЦИВИЛИЗАЦИИ МЫ ИДЕМ?

19 мая 2017 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН (<i>модератор</i>)
Э. АГАЦЦИ	профессор Университета Генуи (Италия), иностранный член РАН, доктор философии
А. А. ГУСЕЙНОВ	научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ	главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН
А. П. МАРКОВ	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук
Г. МЕТТАН	президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», журналист, писатель (Швейцария)
В. С. СТЕПИН	руководитель секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, третья панельная дискуссия завершит сегодня работу конференции. Мы рассмотрим различные вопросы, посвященные главной теме: к какому типу цивилизации мы идем?

Мы продолжаем обсуждать заявленную тему, но рассматриваем ее в несколько ином ракурсе — с точки зрения философии. Итак, к какому типу цивилизации мы идем? На предыдущем заседании мы выслушали экономистов, юристов и представителей других областей знания из разных стран.

Для начала я хотел бы уточнить понятие цивилизации. Мы с Александром Петровичем Марковым давно собираемся написать книгу о «путешествиях» термина «цивилизация», который был позаимствован русским языком из других. Изначально это была латынь, потом современные европейские языки. Сейчас мы имеем четыре-пять толкований. Выделим одно из них: правомерно рассматривать цивилизацию как макротип культуры, то есть понятие более общее, нежели тип культуры. Именно в этом смысле мы будем говорить о типах цивилизации. Как известно, существует традиционалистский тип цивилизации с его характерными особенностями, и существует современная техногенная цивилизация. Позвольте задать вопрос коллегам: сложилось ли у вас впечатление, что оба типа цивилизации находятся в глубоком кризисе? И если это так, то с чем связан этот кризис? Абдусалам Абдулкеримович, предлагаю Вам открыть нашу дискуссию.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо, Александр Сергеевич. Слово сочетание «кризис цивилизации» уже стало привычным, оно широко употребляется и в науч-

ной литературе, и в средствах массовой информации. На мой взгляд, это не строгое понятие, а скорее концепт, охватывающий большое многообразие явлений и выражающий состояние общественного сознания, некое предчувствие, которое, однако, заслуживает самого серьезного внимания. Что за ним стоит? По моему мнению, прежде всего преимущества и успехи цивилизации. Цивилизация в том виде, в каком она существует, по крайней мере, последние 500 лет, по терминологии Вячеслава Семеновича — техногенная, или новоевропейская цивилизация, оказалась невероятно динамичной и успешной. Однако ее успехи оказались сопряженными с такими негативными результатами, которые начинают перевешивать позитивные итоги. Это принципиально новое состояние. Вспомним наиболее очевидные противоречия. Выдающиеся достижения физики обернулись ядерным оружием, которое поставило под угрозу существование самого человечества. Промышленное развитие и урбанизация привели к потеплению климата, что также может лишить нас естественных оснований существования. Возникает вопрос: нужны ли нам эти достижения, если они породили такую опасность? Эти опасности, угрозы, сомнения и составляют смысл концепта «кризис цивилизации».

Новая действительность нашла отражение в состоянии гуманитарного знания: идея прогресса как движения к чему-то качественно новому и совершенному исчезает из нашего дискуссионного поля. Вместо прогрессивных, оптимистических и часто утопических идей получают развитие теории цикличности, представленные А. Тойнби, Н. Я. Данилевским. Наблюдается некий крен теоретического и социально-

го сознания: исторический взгляд сменяется геополитическим, что тоже является косвенным отражением и знаком кризиса цивилизации. Так что это реальное явление.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Абдусалам Абдулкери-мович, в чем все-таки причина, на Ваш взгляд?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Думаю, что ответ надо искать не на поверхности. Ведь что нас смущает? Кризисное состояние наступило при видимом расцвете. Мы имеем огромные технические возможности, невероятный рост благосостояния. Любой из нас сейчас живет в условиях более комфортных, чем князья и цари прошлого. Между тем кризис затрагивает самые глубокие основания — то, что составляет жизненную силу.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Владислав Александрович, пожалуйста, прошу Вас.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Конечно, о западноевропейской цивилизации последних 500–600 лет можно говорить как о техногенной (принимая термин, введенный Вячеславом Семеновичем Степиным). Сейчас эта цивилизация, очевидно, находится в критическом состоянии. Каковы его причины? Попытаюсь кратко сформулировать. Говоря о техногенной цивилизации, мы подразумеваем, что она развивалась на базе технических изобретений и технологий, которые, в свою очередь, стали следствием прогресса в научном знании. Между наукой и техникой всегда была связь, но такой тесной она раньше не была. В настоящее время мы пришли к тому, что технологии поглощают науку, научные знания. Возник даже новый феномен — так называемая «технонаука». Что это такое? Сегодня, если наука не производит полезный прикладной продукт в виде новых технологий, то она вроде и не нужна. Мы знаем, к чему это приводит, в том числе и на примере нашей страны.

Но зачем нужны прикладные результаты, новые технологии? Их можно продавать с высокой прибылью. Технонаука стала развиваться в рамках капиталистической рыночной экономики, где все оценивается с точки зрения материальной выгоды. Раньше развитие науки связывалось с переходом общества к новому состоянию. Об этом писали К. Маркс, В. И. Вернадский и другие мыслители. Предполагалось, что развитие наук сделает отношения между людьми более гуманными. Но оказалось, что это не так.

Погоня за прибылью извращает механизм развития современной науки. Научные открытия теперь фиксируются патентом — не только технологии, а также и открытия. То есть научные знания превращаются в товар. Этот феномен называется когнитивным капитализмом. Рассчитывали, что такой подход будет содействовать прогрессу, но в итоге он только укрепляет существующую технократическую и потребительскую систему.

Вот вторая причина: наука и технология оказались связаны с этим типом общества и социальных отношений.

Экономисты оценивают эту ситуацию со своих позиций — с точки зрения рационального выбора, издержек и прибылей. Оказывается, с точки зрения рационального выбора можно оценивать вообще все, в том числе любые человеческие отношения, любовь и дружбу. Но где здесь место человеку? Разве это гуманное общество? Нет, оно становится антигуманным.

Сейчас добавился новый крен — развитие искусственного интеллекта. То есть не прекращаются попытки заменить все естественное искусственным. Это острейшая проблема.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Владислав Александрович. Вопрос к Александру Петровичу Маркову: происходит ли кризис данного типа цивилизации, и если да, то в чем его причина?

А. П. МАРКОВ: — Начну с другого вопроса: а есть ли общечеловеческая цивилизация? Если есть, то можно говорить о кризисе. На мой взгляд, использовать концепт «общечеловеческая цивилизация» можно только метафорически. Такой цивилизации нет и никогда не было. Сегодня мы наблюдаем битву трех гигантов, которая началась несколько веков назад и разворачивается в метафизической плоскости. Первая сторона — Запад, евроатлантическая цивилизация, которую трудно уже идентифицировать как христианскую. Вторая — исламский мир. На одной из недавних конференций профессора Иранского университета уверенно заявляли, что реванш цивилизационного проекта неизбежен. И третья сторона — мистическая, многомиллиардная сила Юго-Восточной Азии. Одна из сторон, а именно Запад, находится в очевидном кризисе. Лично у меня это вызывает грусть.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — То есть Вы вслед за Хантингтоном считаете, что происходит столкновение национально-культурных моделей. Правда, он выделял семь моделей, а Вы три, но в целом Вы с ним согласны. Но в чем причина, Александр Петрович? Может, в культурной несовместимости?

А. П. МАРКОВ: — Причина в их тотальной, абсолютной несовместимости. Вспомним Ясперса. Великая культура пророков, по сути, разорвала страшный замкнутый циклический круг языческого времени, разорвала сущее и должное. Битва происходит не просто между культурами, но и в наших сердцах. Можно рассуждать о будущем, и я по возможности это делаю, но мой прогноз, к сожалению, далек от оптимистического.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово господину Агаши. Скажите, пожалуйста, видите ли Вы системный кризис современного общества?

Э. АГАШИ: — Хочу напомнить, что понятие «кризис» — не то же самое, что катастрофа. Кризис всегда понимался как точка, после которой могут наступить негативные последствия или, наоборот, выздоровление. Это некая вершина. Все зависит от при-

чин и следствий. Однако кризис, о котором мы говорим применительно к нациям, цивилизациям, представляет реальную проблему. Суждения о ценностях — вот что важно. Например, что в данном контексте означает «лучшее»? Мы хотим двигаться к лучшему будущему, но как мы его видим?

С понятием «цивилизация» мы связываем идеи прогресса, в основном технологического, но не ценностного. Мы знаем, что есть разные науки: естественные, гуманитарные и т. д. Настоящая проблема для мира — вынести некоторое суждение, обозначить то, что по-настоящему ценно. Это сложная задача, потому что технологии стали жить независимо от нас. Любое новое открытие, как сказал коллега, обязательно требует применения на практике. Технология нужна науке, наука нужна технологии и т. д. Они как бы замкнуты на самих себя, и речи о ценностях при этом зачастую не идет. Поэтому бывает трудно понять, хорошо или плохо то или иное направление. Нужен беспристрастный взгляд со стороны разных культур: исламской, буддистской, христианской. Каждая культура имеет свои базовые ценности, и на них основана вся жизнь людей, они служат ориентирами.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу прощения, господин Агацци, но есть ли в научных кругах отчетливое представление о состоянии современной цивилизации? В кризисе ли она, и если да, то почему?

Э. АГАЦЦИ: — Причины очень сложные, потому что кризис во многом зависит от модели. Даже самая удачная модель не может быть универсальной, она охватывает только некоторую часть жизни. Нельзя включить в одну модель все суждения о ценностях. Необходимо возрождать осознанность и учиться у других культур. Только если мы научимся это делать, мы сможем найти системные решения наших проблем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Агацци. Приглашаю к микрофону господина Ги Меттана.

Г. МЕТТАН: — Продолжу мысль, высказанную коллегой Агацци. Прежде всего что такое кризис? Возьмем, к примеру, Китай. В то время как во всем мире нарастают проблемы, Китай получает хорошие шансы. Действительно, кризис дает много возможностей — это точка бифуркации.

Что касается западной цивилизации, то здесь на самом деле наблюдается кризис. Запад имел цель — доминирование. И действительно, до настоящего момента благодаря научной революции, развитию экономики, общепринятым ценностям западная цивилизация была способна доминировать в мире. Но сейчас эта модель входит в кризис, потому что она больше не в состоянии управлять миром. Она не может обеспечить дальнейший экономический рост. Мы сегодня уже слышали, что экономика находится в стабильном состоянии, она не растет. Скорее, наблюдается тенденция к снижению. Она больше не обеспечивает высокое качество и равенство. Напротив, увеличивается разрыв между богатыми и бедными, старшим и молодым поколениями. Это

порождает неудовлетворенность — фрустрацию, которая возрастает в странах Азии, в исламском мире и т. д. То есть эта цивилизация не может управлять миром, как раньше. И сегодня реакция Запада на кризис все больше становится не демократичной, а авторитарной. Оказывается, бывает и такая эволюция. На мой взгляд, чтобы смотреть в лицо кризису, справляться с ним, нужно прежде всего понять, что старые паттерны и методы не работают. Необходимо по-новому взглянуть на многие вещи. Например, мы живем в состоянии постоянного напряжения из-за угрозы терроризма. Пришло новое время. Мы озабочены безопасностью и другими новыми проблемами, и надо честно себе в этом признаться, осознать это. Только при этом условии мы сможем изменить наш образ мыслей относительно судьбы мира. И еще мы должны понять, что, вероятно, прежней западной цивилизации в мире уже не будет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН: — Я сделаю несколько предварительных замечаний, поясняющих мой подход к проблеме будущего современной цивилизации.

Первое. Полагаю, что не лишне еще раз пояснить, как соотносятся понятие «тип цивилизационного развития» и характеризующие стандартный цивилизационный подход понятия — «культурно-исторический тип» (Н. Данилевский) и «локальные цивилизации» (А. Тойнби). Общее в обоих подходах — это классификация видов и типов цивилизации по признаку особенностей их культурно-генетического кода. Я уточнил понимание этого кода, используя представление о системе мировоззренческих универсалий (концептов, категорий культуры), образующих основания культуры.

Не отрицая позитивных аспектов предложенной Н. Данилевским и А. Тойнби классификации цивилизационных типов, я предложил дальнейшую уточняющую и углубленную их типологию. Выделенные Н. Данилевским и А. Тойнби типы цивилизаций можно интерпретировать в качестве особых видов, которые объединяются в два больших типа: традиционалистский и техногенный. Критериями различения этих двух типов цивилизационного развития выступают разные и во многом альтернативные понимания фундаментальных мировоззренческих универсалий — «человек», «деятельность», «природа», «традиции и инновации», «личность», «рациональность», «власть». Смыслы этих универсалий, в свою очередь, по-новому структурируют всю сеть универсалий (категорий культуры), выступающих генетическим ядром каждого из типов цивилизационного развития. Различные виды цивилизаций, объединяемые в рамках каждого типа, могут существенно отличаться друг от друга. Их общие типологические (родовые) признаки соединяются с признаками, фиксирующими их видовое отличие. В таком соединении они, в принципе, могут быть интерпретированы как типы (виды) цивилизаций, о которых писали Н. Данилевский и А. Тойнби. Стандартный цивилизационный подход рассматривал каж-

дый выделенный им вид цивилизации в качестве своего рода уникальной дискретной исторической единицы социальной организации. Согласно А. Тойнби, каждый из видов цивилизаций воспроизводит себя и свою уникальность, проходя стадии возникновения, расцвета, надлома, упадка и гибели.

Концепция типов цивилизационного развития, которую можно было бы обозначить как нестандартный цивилизационный подход, вводит более широкую перспективу исторической эволюции общества. Типы цивилизационного развития предстают как особые этапы этой эволюции, где переход от архаических обществ к традиционалистским цивилизациям, а затем от них к техногенным ускоряет темпы социальных перемен и усиливает взаимодействие различных видов общества, включая уже на этапе техногенного развития процессы их модернизации.

Культурно-генетический код (система смыслов универсалий культуры), выступающий фундаментом определенного типа цивилизационного развития, задает контуры картины человеческого жизненного мира. Этот код определяет осмысление, понимание и переживание человеком мира. Переживание смыслов мировоззренческих универсалий акцентирует эти смыслы в качестве ценностей.

Второе. Ценности иерархичны. Любая деятельность возможна, если у субъекта деятельности, в его сознании, есть программа, которая включает предварительные знания об объекте (предмете) деятельности, о средствах и операциях деятельности (действиях), навыки работы со средствами, цели и ценности. Цель — это идеальный образ будущего результата деятельности. Цель отвечает на вопрос «что?» (что я должен получить в качестве конечного продукта моих действий с объектом?). В свою очередь, постановка целей всегда соотносена с ценностью, которая отвечает на вопрос «для чего?». Ценность санкционирует деятельность. Конкретные акты деятельности явно или неявно всегда согласованы с ценностью. Ценности системно взаимосвязаны. Они образуют сложную развивающуюся систему с многоуровневой организацией.

Известна притча, что когда участника строительства Шартрского собора спросили, что он делает и для чего, он ответил: «Вожу из каменоломни камни на стройку, чтобы заработать деньги и прокормить семью». Это первый уровень ценностей. Тот же вопрос задали архитектору, по замыслу которого создавался собор. И он ответил, что возводится Шартрский собор, храм божий, где люди будут общаться с Богом. Это более глубокий пласт ценностей. И есть еще более глубокие ценностные уровни. К ним можно отнести уровень ценностей, которые определяют возможные формы деятельности, поведения и общения определенного вида цивилизации. И, наконец, можно выделить еще более глубокий уровень системы ценностей, которые определяют тип цивилизационного развития.

Я уже отмечал, что по отношению к современной (техногенной) цивилизации этот уровень сформировался как духовная матрица техногенной культуры в эпоху Ренессанса, Реформации и Просвещения. Именно он определял почти три последующих столе-

тия перспективу дальнейшего развития этого цивилизационного типа.

Третье. Современные техногенные общества представлены в двух основных вариантах: а) развивающиеся на собственной основе (западные разновидности техногенной цивилизации) и б) техногенные общества гибридного типа, которые возникли в процессе модернизации традиционалистских обществ. Модернизация предполагала заимствование западных технологий и образования, которые трансплантировались на традиционалистскую почву, изменяя ее. В этом процессе традиционалистские ценности сталкивались с ценностями техногенной культуры, частично видоизменяясь, частично сохраняясь и порождая особые варианты общества, вставших на путь техногенного развития. Так было историческое развитие России под влиянием трех великих модернизаций Петра I, Александра II и советского периода, завершившего становление России в качестве техногенного общества особого типа. Через процессы модернизации прошли Япония, Китай, Индия, современные страны Латинской Америки. Сегодня подавляющее число стран планеты реализуют тип техногенного развития.

Этот тип развития дал человечеству множество достижений в сфере технологического прогресса, новой медицины, обеспечивающей продление человеческой жизни, улучшение качества жизни в странах с высоким уровнем экономического развития. И до середины XX века господствовало убеждение, что именно на этом пути человечество достигнет процветания и что страны Запада находятся в авангарде движения к лучшему будущему человечества. Но во второй половине XX века все отчетливее обнаруживались многочисленные кризисы, состояния техногенной цивилизации, которые выступают проявлениями двух основных глобальных кризисов — экологического и антропологического.

Эти кризисы были порождены самим техногенным развитием. За последнюю четверть века они значительно обострились, и дальнейшее их обострение создает угрозу деградации биосферы и самоуничтожения человечества.

Все это ставит проблему кардинально новых стратегий развития. Я уже не раз высказывал свою точку зрения, в том числе и в предыдущих выступлениях, что речь идет не о «косметическом ремонте», а о коренном преобразовании техногенного типа развития, о возможном переходе к новому, третьему (по отношению к традиционалистскому и техногенному) типу развития. А это, в свою очередь, предполагает формирование новой матрицы ценностей, началом которой могут стать точки роста новых ценностей, возникающие в современной техногенной культуре. Об этих точках роста я более подробно написал в тексте своего доклада и говорил на пленарном заседании.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Вячеслав Семенович. Поясню в первую очередь для студентов, что типология и классификации могут быть разными. Например, Александр Петрович Марков ставит на первое место национально-культурный аспект и име-

ет в виду под типом цивилизации некую культурную общность. Вячеслав Семенович говорит о том, что на протяжении всей истории человечества существовали два больших цивилизационных типа: традиционный и техногенный. К традиционному типу можно отнести Вавилон, Древнюю Русь и др. Традиционные типы цивилизации (не важно, Россия это или Китай) обладали рядом сходных ценностей: например, их представления не содержали идеи прогресса, победы человека над природой и т. д. Традиционная цивилизация подразумевает гармоничные отношения человека с природой и встраивание его в природу, жизнь рядом с природой. Запад несколько веков исповедует ценности техногенной цивилизации (такие как прогресс, торжество над природой: природу сначала нужно покорить, а потом использовать, до последнего ее вздоха). Развитие современного общества потребления привело к тому, что техногенная цивилизация с ее системой ценностей пришла в несоответствие с возможностями биосферы, исчерпала себя.

Александр Петрович считает, что происходит столкновение между разными национально-культурными типами. Вячеслав Семенович утверждает, что тип техногенной цивилизации закономерным образом исчерпал возможности своего развития. Я полагаю, что и то и другое имеет место, так же как и неравномерность развития стран и цивилизаций.

В настоящее время Запад утрачивает лидерство, поэтому другие национально-культурные типы цивилизаций его догоняют. Возникает вопрос, как каждый тип будет существовать дальше, каковы перспективы их развития. Какие ценности каждый из национально-культурных типов изберет для дальнейшего существования и что нового принесет?

Вячеслав Семенович в одной из бесед сказал, что одна цель — если мы хотим сберечь природу, другая цель — если мы готовы мутировать и стать совсем иными существами.

Вероятно, существуют сценарии выхода из этой ситуации. То, что сейчас происходит, дальше продолжаться не может. Возможны как пессимистичные, мрачные сценарии (война, разрушения, бунты), так и оптимистичные, положительные. Предлагаю обсудить возможные варианты развития событий, как позитивные, так и негативные. Абдусалам Абдулкеримович, что Вы скажете по этому поводу?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Позвольте сделать одно замечание: тип цивилизации является не понятием, а концептом.

Отвечая на Ваш вопрос, скажу, что, поскольку предстоят качественные изменения, то предвидеть будущее и сказать, каким оно будет, мы в принципе не можем. Только когда будущее наступает, задним числом мы можем найти дефиниции и т. д. В связи с этим приведу сравнение Маркса: анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Но с уровня анатомии обезьяны мы никогда не попадем на уровень анатомии человека. Другой мой тезис: «Сова Минервы вылетает в сумерки». Мы можем прогнозировать будущее и предсказывать его через наше отношение к настоящему (принимаем

мы его или нет). Если мы его принимаем, то речь идет о совершенствовании, или мы его не принимаем. Поэтому представления о будущем и прошлом формировались не по аналогии, а по контрасту, через отрицание того, что неприемлемо в настоящем. С этой точки зрения (если наш разговор с абстрактного общеметодологического уровня перевести на более конкретный) речь идет о судьбе капитализма или капиталистической цивилизации. Ведь техногенная цивилизация — прежде всего буржуазная, капиталистическая. Есть ли альтернатива капитализму?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Социалистический тип не был техногенным?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Он тоже был техногенным, но как тип развития предлагал некую альтернативу. Именно в этом заключается проблема: с крахом Советского Союза и всей возглавляемой им социалистической системы капитализм лишился альтернативы (другой вопрос, почему это произошло — в силу принципиального или ситуативного несовершенства).

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — То есть социализм — одна из ветвей техногенной цивилизации?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Социализм в том виде, в каком он существовал в СССР, конечно, явление техногенной цивилизации, ведь ставилась задача догнать и перегнать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Владиславу Александровичу Лекторскому.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Хочу направить разговор в иное русло. Уже написано много работ о том, ожидает ли нас постчеловеческое будущее, что будет после человека. Будущее — это то, что вырастает из прошлого. Начиная со времени, когда возникли атомы и молекулы, произошла глобальная эволюция, потом появились человек, общество и т. д. В настоящее время ученые пишут о том, что человек достиг определенной стадии развития с помощью техногенной цивилизации (он может управлять эволюцией, ничего не ждет, а создает будущее). Речь идет о конструировании человека, высказывается идея об улучшении человека, о том, что социализм, капитализм — в прошлом, нужно изменить самого человека — и все проблемы исчезнут, может быть, и потребительского общества не будет, а возникнет что-то иное: человек с иными потребностями, возможностями и пр.).

Проблема заключается в том, что мы на самом деле постепенно погружаемся в этот процесс. Возникает электронное общество, есть теоретики и практики, которые считают, что геновая инженерия, информационные и нанотехнологии помогут в создании электронного человека (его характеристики: чипирование, контроль за поведением, трансплантация). Якобы трансформированный таким образом человек будет лучше, умнее, эмоциональнее. Это кажется фантастикой, но я знаю ученых, которые разрабатывают данный проект.

Для меня в этом заключена одна из главных опасностей, потому что человек может вообще перестать быть человеком. Идея достижения бессмертия в настоящее время получила широкое распространение. Но на самом деле, если человек будет бессмертным, он перестанет быть человеком, потому что большая часть наших ценностей связана с тем, что мы смертны. Если нет смерти, не нужно мужества, самоотверженности, самопожертвования и понимания другого человека. Постчеловек — уже не человек. Это вызов не просто определенным типам ценностей (западным, мусульманским, буддийским), а той основе, которая заложена во всех них. То есть человек может стать как лучше, так и гораздо хуже, а может вообще перестать быть человеком.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Александр Петрович, исходя из того, что Вы сказали ранее, можно сделать вывод, что существуют всего два сценария развития событий: один — когда побеждает Азия, другой — когда побеждает арабский мир.

А. П. МАРКОВ: — Возможен и третий сценарий — так называемый трансгуманизм, и на пленарном заседании об этом говорил М. В. Шмаков. Человечество, понимая, что будет завтра, готово перейти к чиповой системе и реализовать проект Федорова (воскрешение мертвых), предложенный в конце XIX века, то есть прекратить размножаться и перейти к иной версии, чиповой системе. Это третий, может быть неизбежный, вариант развития событий. Мне кажется, что будущее читается в прошлом Европы. Хотя Абдусалам Абдулкеримович сказал, что человек теряет представление о будущем. Наше будущее было создано в 1960-е годы — это так называемая культура модерна, когда западный мир, западная интеллектуальная элита отказались от прометеевского духа.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — А заодно отказались и от понятий добра и зла.

А. П. МАРКОВ: — Запад перешел к модели Орфея, персонажа, который ответствен за весь спектр девиаций, от гомосексуализма до наркотиков, педофилии и пр. Европа несколько веков назад гениально почувствовала финал христианской культуры и незаметно для себя (начиная с эпохи Возрождения, а по моему мнению, с XI в., когда произошло разделение церквей) избрала нехристианский путь, путь язычества, поэтому можно считать, что Южная Азия, культура жрецов в Европе уже победили.

Но это чревато возникновением проблемы, которую мы еще не озвучили. Именно на почве европейского язычества возникло самое страшное явление в истории — нацизм. Сегодня мы наблюдаем, что на этом языческом пространстве метастазирует нацизм. Мы могли бы это пережить, потому что есть опыт противодействия.

Вячеслав Семенович сказал, что внутри техногенной цивилизации формируется новая система ценностей. Однако вызывает сомнения его убежденность

в том, что в техногенной цивилизации может возникнуть нечто, способное адаптировать человека к этому миру. Это все равно что сказать, что Сидоров, оказавшись в желудке аборигена Австралии, адаптировался к новым условиям. Это не адаптация, а новая система ценностей, которая проявляется в международном праве, жизненных стратегиях, антропологической катастрофе, нетерпимости. Торжествующему язычнику не удастся захватить мир, потому что существует оплот логоцентричной культуры — мир ислама. Поэтому, на мой взгляд, грядущая битва неизбежна.

В. С. СТЕПИН: — Я не согласен с таким подходом и с такой интерпретацией того, что я говорил и писал о необходимости выработки новых ценностей. Обнаружение точек роста таких ценностей нацелено не на сохранение техногенной цивилизации и того ее варианта, который сложился как современное потребительское общество Запада, и не на адаптацию человека к этому миру, а как раз наоборот, на выявление путей преобразования этого мира, обостряющего экологический и антропологический кризисы, на выработку новой системы ценностей, которая является условием и начальной фазой таких преобразований.

Новые ценностные ориентиры в зародышевой форме могут возникать в различных видах техногенных обществ современности. И не только на Западе, но и в обществах, вступивших на путь техногенного развития благодаря модернизациям. Более того, вполне вероятно, что именно сохранившиеся в них некоторые традиционалистские ценности могут стать импульсом к генерации новых ценностных ориентиров как компонентов новой духовной матрицы будущего типа цивилизационного развития.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вячеслав Семенович, вопрос к Вам: Александр Петрович, описывая типы цивилизации, сказал, что сегодня кризис Западной Европы связан с отказом от христианских и возвратом к языческим ценностям. Как Вы считаете?

В. С. СТЕПИН: — Это интересная постановка вопроса. Но его обсуждение требует более глубокого и дифференцированного анализа.

В выступлении Александра Петровича довольно жестко связывались фашизм и языческая мифология. Можно согласиться, что нацизм использовал схемы языческой мифологии. Но отсюда не следует, что язычество ведет к тоталитаризму в форме нацизма. Такой вывод является результатом логической ошибки неправильного обращения. Из утверждения, что все представители негроидной расы брюнеты, не следует, что все брюнеты являются представителями негроидной расы. Если принять идею жесткой связи нацизма и язычества, то придется считать, что все мифологические культуры древних цивилизаций были потенциально нацистскими.

Негативное отношение к язычеству всегда было присуще христианской церкви. Сам термин «язычество» в русском языке был производным от слова «языки», которым обозначали народы, враждебные право-

славую. На христианском западе синонимом язычества был термин “*paganos*”.

Но с точки зрения исторической науки языческая мифология оказала позитивное влияние на формирование многих культур традиционалистских цивилизаций. Политеизм в этих культурах возникал на почве языческой мифологии. Не лишне вспомнить и о вековых традициях народной культуры, сказках, ритуальных танцах, в целом о фольклоре, корнями уходящем в языческую мифологию.

В оценке тех или иных религиозно-мифологических идей важно не упускать из виду принцип историзма. Это относится и к христианской традиции. Когда речь идет о христианских ценностях, нужно принять во внимание, что религия, как и другие формы общественного сознания, всегда вовлечена в процессы трансформации ценностей при переходе к новому типу цивилизационного развития. И хотя Александр Петрович, судя по его выступлениям, придерживается цивилизационного подхода в его традиционной версии, он справедливо отмечает, что эпоха Возрождения внесла изменения в понимание христианских ценностей. Но были еще и эпохи Реформации и Просвещения, когда завершилось формирование духовной матрицы техногенной культуры. В эти эпохи возникли новые понимания христианских ценностей. Их сердцевина — идея гуманизма — получила в эти эпохи деятельностное и рациональное обоснование. И в этой интерпретации она была включена в ценностные основания техногенной культуры, в ее понимание человека, деятельности, личности.

В этом плане я не считаю обоснованным тезис, что данная интерпретация христианского гуманизма вела к воссозданию язычества и отказу от христианских ценностей.

Что же касается истории этих ценностей от зарождения христианства до эпохи Ренессанса, то в этот период они не выходили за рамки ценностных оснований традиционалистского типа цивилизационного развития.

Я солидарен с Александром Петровичем в его критике современной пропаганды тех типов поведения, которые полагались девиантными с позиций христианских традиций. Я рассматриваю эти процессы как еще одно проявление антропологического кризиса. Понижение уровня ответственности личности, постепенное разрушение семьи, легитимизация и реклама девиантных форм поведения под предлогом расширения личностных свобод — все это своеобразные индикаторы разрушения духовной матрицы, ранее определявшей прогресс техногенной цивилизации. Можно полагать, что фазовый переход, означающий кардинальные качественные изменения этого типа цивилизации, уже начался.

Для прогнозов будущего важно выделить в этом переходе некоторые сменяющие друг друга стадии. В данном случае речь идет о качественных переходах в развитии общества как сложной системы.

Современная наука уже выработала определенные средства описания таких переходов. В синергетике они характеризуются интегрально, в терминах динамиче-

ского хаоса, точек бифуркации, аттракторов, кооперативных эффектов, самоорганизации, определяющей переход от хаоса к порядку.

Используя эти средства, можно сделать следующий шаг — дать дифференцированное описание фазового перехода, выделив три его основные стадии.

Начальная стадия — это возникновение динамического хаоса, когда мутируют ранее сложившиеся программы саморегуляции системы и перестают работать ранее возникшие параметры порядка. Из спектра возможных сценариев развития системы, возникающих в точках бифуркации, может реализоваться любой, и даже самый маловероятный. Количество таких сценариев может быть достаточно большим, но не безграничным. Их набор включает только те сценарии, которые не противоречат сложившимся объективным законам. Реализация любого из возможных сценариев зависит от множества случайных факторов. Она характеризуется как действие вероятностной причинности, которая порождает аттракторы в нелинейной среде. На этой стадии фазовых переходов могут формироваться несколько конкурирующих аттракторов соответственно разным, в том числе и альтернативным, сценариям развития системы.

На второй стадии фазового перехода конкуренция сценариев может приводить к постепенному доминированию одного из них. В этом случае меняются первоначальные вероятности каждого из сценариев. Когда один из них начинает определять русло изменений системы, уменьшается вероятность реализации других.

Наконец, в качестве третьей стадии следует выделить особые состояния динамического хаоса, которые характеризуются в синергетике как режим с обострением. На особую важность анализа этого режима не раз обращал внимание известный отечественный математик С. П. Курдюмов. На этой стадии доминирующий сценарий, определяющий русло изменения системы, резко повышает вероятность своей реализации, становится необратимым. Возникает своего рода целенаправленное движение к новому уровню организации системы, формированию новой программы саморегуляции и соответствующих ей параметров порядка. Главную роль в этом движении играет целевая причинность.

С. П. Курдюмов интегрально характеризовал эти процессы как влияние будущего на настоящее и даже на прошлое. Внешне это выглядит иррационально, но только внешне. Образ влияния будущего на настоящее и прошлое имеет вполне рациональное обоснование, если учесть, что на заключительном этапе фазового перехода возникает новый уровень организации сложной системы, который оказывает активное обратное воздействие на ранее сложившиеся уровни, накладывая определенные ограничения на взаимодействие их элементов, и тем самым обеспечивает формирование нового типа системной целостности. Поэтому предсказание поведения сложной системы всегда предполагает, что возможное будущее, став настоящим, способно изменять прошлое, то есть перестраивать ранее возникшие уровни организации.

В науке XX века уже накоплено достаточно знаний о сложных развивающихся системах, эволюция кото-

рых отчетливо обнаруживает их фундаментальную особенность — усложняясь, перестраивать уже сложившиеся уровни организации под воздействием нового уровня. Одним из показательных примеров в этом отношении является прослеженное В. И. Вернадским изменение геохимии нашей планеты под влиянием жизни.

Как отмечал В. И. Вернадский, возникновение и дальнейшая эволюция живого изменяли земную кору (осадочные породы и почвы — это следы биосфер прошлого, даже базальтовые породы под воздействием бактерий за миллионы лет превращались в граниты). Жизнь сформировала атмосферу планеты и насыщение кислородом Мирового океана, что, в свою очередь, создало условия для возникновения новых, более сложных форм живого.

Геохимия Земли, как подчеркивал В. И. Вернадский, в ходе эволюции переходит в биогеохимию, а затем, с возникновением человека и развитием его технологической деятельности, — в культурную биогеохимию.

Учитывая все эти особенности фазовых переходов, можно сделать определенные выводы относительно предвидения будущего. Существуют горизонты прогнозирования соответственно разным стадиям фазовых переходов.

Если мы имеем дело со сценарием в режиме с обратным, то можно более или менее однозначно предвидеть тенденцию развития. Но уже в следующем шаге, когда возникнет новый уровень системной организации, отдаленное будущее системы вновь становится неопределенным. Новый уровень, накладывая ограничения на законы предшествующих уровней и организуя их в новую целостность, чаще всего изменяет вектор развития. Те состояния системы, которые ранее представлялись маргинальными, вытесненными на периферию развития, могут превратиться в мейнстрим при формировании новой системной целостности.

В социальной эволюции известным примером такого превращения может служить история христианства. Возникшее на периферии Римской империи и преследуемое официальными властями оно затем получило признание на этапе императорского Рима, а после крушения Римской империи превратилось в мейнстрим, определявший тысячелетнюю историю христианской цивилизации европейского Средневековья.

В принципе, отмеченные особенности изменения вектора развития характерны для любых сложных исторически изменяющихся систем (природных, социальных и ментальных). Сравнительно недавно я показал в своих работах, что история научных идей также подчинена этой закономерности (см.: Вопросы философии. 2016. № 6).

Когда мы прогнозируем отдаленное будущее, то, как это обозначил в своем выступлении Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, нам трудно сформировать более или менее конкретный и достоверный образ этого будущего. Объяснение тому я вижу в объективных особенностях развития сложных систем, в том, что заранее неизвестно, как конкретно повлияет будущее на

настоящее и прошлое, представленное уже сложившимися уровнями системной иерархии.

В этом случае предвидение отдаленного будущего ограничивается формулировкой идеала, который обозначает общие тенденции развития социальной системы и глубинные ценностные ориентиры человеческой деятельности.

Этот подход важен не только по отношению к завершающей стадии фазового перехода, но и в не меньшей мере в отношении его начальной стадии, когда социальная система вступает в состояние динамического хаоса. Конкуренция аттракторов — сценариев развития, за которыми всегда стоят интересы различных социальных сил, требует оценки каждого из возникающих сценариев. А для этого необходимо артикулировать идеал, с позиций которого будут производиться эти оценки.

Фазовый переход, изменяющий тип цивилизационного развития, может занимать длительный исторический период. Состояние динамического хаоса внутренне присуще любому такому переходу, в том числе и современному. Это состояние социальной жизни нашего времени уже достаточно давно зафиксировал постмодернизм. За это его, разумеется, критиковать не следует. Критика постмодернизма определяется другим — его отношением к жизнедеятельности людей в состояниях динамического хаоса. Иногда явно, а чаще неявно, постмодернизм полагает, что отныне оно станет естественным состоянием человеческой истории. И этот посыл, даже в форме гипотезы, не имеет под собой никакой доказательной основы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Вячеслав Семенович. Я не вижу особых противоречий между теми положениями, которые здесь были озвучены, и не хотел бы, чтобы мы сводили все к спору о классификации. Мир вступает в период обострения противоречий, о чем сказал Вячеслав Семенович. Прошу высказаться профессору Агащи по поводу возможных сценариев развития событий.

Э. АГАЩИ: — Прежде всего хочу напомнить, что традиция развития цивилизаций была такова, что люди не тяготели к прогрессу. Всегда был открытый финал. Конечно, писали об Эдеме, о «золотом веке», но всегда как о некотором совершенстве, к которому надо было стремиться. На самом деле мы как будто спускались вниз по эволюционной лестнице. Это пессимистический взгляд, который существует в классической литературе. То есть произошла инверсия. Мы должны были увидеть окончательный идеал, к которому стремимся, и это оказалось христианство. Оно декларирует, что мы должны становиться все лучше. И всегда давались обещания в будущем чего-то хорошего, совершенного и на земле, и на небесах. Потом пришла светскость — это модернизм, постмодернизм, и стали появляться светские эквиваленты для общества. Потом наступил кризис марксизма и ожиданий, с ним связанных. Человек начинает надеяться на то, что можно реализовать, и в этом разница. Речь идет о человеческой натуре, которая может продуцировать собственный прогресс, на-

чинающийся на современном ей этапе. В свою очередь, наука и технологии были связаны с прогрессом. А мы этого не видели, и это как раз типично для западного взгляда, в других цивилизациях такого не было.

Теперь мы видим, что в результате потеряли смысл своего существования, а наука и технологии не обеспечивают, не продуцируют ценности. Они могут служить каким-то ценностям, даже, например, ценностям Гитлера. Мы можем использовать многие инструменты, но не знаем, каково то будущее, которое нас ожидает. И поэтому нужно возрождать наши размышления над ценностями. Многие культуры пытаются найти какой-то подход, который позволил бы им снова обрести смысл жизни, например через личную вовлеченность и то, что в английском языке называется «коммитмент», то есть приверженность. Можно подумать о возможных модификациях, но здесь встают разные вопросы, в том числе вопрос «зачем?». Если мы попытаемся изменить ментальность людей, это будет потрясающее открытие по сравнению с попытками внедрить новые гены. Это будет действительно прорыв, и тогда генетическая инженерия покажется чем-то очень банальным.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Теперь слово предоставляется господину Ги Меттану.

Г. МЕТТАН: — Я согласен, не обязательно только с негативной точки зрения подходить к кризису и думать только о неудачном развитии событий. Проблема в том, как правильно выбрать ориентацию, направление, как узнать, какое направление является действительно правильным. Вообще я пессимист, когда что-то обдумываю, но не когда действую. Я думаю, что мы можем найти решение проблем на уровне действия. Но если сейчас мы посмотрим на главные угрозы, которые стоят перед нашей цивилизацией, то поймем, что это сама природа, экология, проблема выживания человечества на планете Земля. Если мы посмотрим на прошлое, то увидим, что все выжившие цивилизации уничтожили другие цивилизации, которые существовали в гармонии с природой, например шаманов в Индии. Те, кто уважал натуру, отступили, они были вытеснены и даже стерты с лица земли. Теперь разные цивилизации — западная, китайская, российская, социалистическая, капиталистическая — базируются на чрезмерной эксплуатации природы, естественных ресурсов, минеральных ресурсов, атмосферы, кислорода, на массовом уничтожении животных, растений, в целом разнообразия жизни на планете и т. д. Это главная угроза, которую мы должны учитывать, если хотим выжить.

Теперь мы должны выбрать правильное направление, которое будет основываться на уважении к природе, потому что, я думаю, мы слишком переоцениваем силы и возможности технологий. Если будущее будет основываться на технологии использования природных ресурсов, если мы и дальше будем уничтожать природу, перерасходовать и слишком злоупотреблять ресурсами, то далеко не уйдем. Нам нужно базироваться на принципиальных изменениях, основывающихся на уважении к природе. Когда-то дав-

но христианство распространилось в результате попытки внести изменения в социальную среду, вообще в жизнь, в поведение людей. Но это было 2 тыс. лет назад. В какой-то период это работало. Теперь нам нужно изобретать новое христианство, которое будет базироваться на уважении к природе. Если мы будем продолжать действовать так, как сейчас, ничего хорошего не выйдет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я хотел бы задать вопрос академику Владиславу Александровичу Лекторскому: где, на Ваш взгляд, граница вмешательства науки в физиологическую, биологическую, генную и другую природу человека? Может быть, это вмешательство стоило бы остановить?

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Остановить, конечно, надо, и граница существует. Хотя сейчас одна из самых обсуждаемых философских и практических проблем: где граница человека? До какой степени можно менять человека, чтобы он не перестал быть человеком? Граница состоит вот в чем: нельзя менять человека до такой степени, чтобы он утратил принципиальные человеческие качества.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Какие это качества?

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Первое — чтобы он был существом, ответственным за свои действия, то есть свободно принимающим решения. А сейчас делаются попытки управлять его поведением, контролировать его. Свобода по-разному понимается в разных культурах, и в русской тоже. Но при всех различиях есть нечто общее во всех культурах — они предполагают, что человек отвечает за то, что он делает. А отвечать он может только в одном случае — если у него есть свобода воли, свобода выбора. Сейчас это ставится под сомнение. И теоретически (в когнитивной науке пытаются доказать, что свобода воли — это фикция), и практически: пытаются внушить идею, что в будущем обществе будет легче жить, если вами будут управлять, незаметно посылая вам какие-то сигналы.

Второе — человек должен быть автономным существом. Сейчас некоторые философы сильно увлечены идеей о появлении в скором времени возможности читать мысли другого человека, «вытаскивать» какие-то образы прямо из его памяти. Опыты такого рода уже проводятся. На самом деле, если и можно «читать» какие-то простейшие образы в мозгу другого человека, то в точном смысле слова «читать» чужие мысли невозможно. Об этом мне приходилось специально писать. Но представим себе, что это было бы возможно (а, как я сказал, в возможность этого верят некоторые философы и ученые). Ведь это было бы страшно — стать прозрачным для всех. В таком прозрачном обществе человек растворяется, его как бы не существует, он открыт для всех и им может манипулировать кто угодно. Он теряет автономию. Этого нельзя допустить.

Теперь несколько слов о геномном вмешательстве. Сейчас многие генетики увлечены редактированием геномной карты. Такая возможность есть. Считается,

что по заказу можно будет делать детей более сильными, более умными и т. д. Но тут тоже есть опасность. Можно дойти до того, что будет искажена сама природа человека. А в современном обществе, в современных условиях потребительской экономики, рыночной экономики это может привести к тому, что богатые люди будут иметь возможность создавать каких-то сверхсущностей, а бедные люди останутся на положении полулюдей. Возникает масса опасностей, и поэтому эти эксперименты нуждаются в гуманитарном контроле.

Сейчас много и обоснованно пишут о том, что современный век — это век развития науки о человеке (Human Sciences). Но Human Sciences — это не то, что гуманитарные науки, не Humanity's. Гуманитарный тип науки предполагает некоторую систему человеческих ценностей, а науки о человеке — это другого типа исследования: к примеру, исследования мозга. Тут есть опасность: человек может высоко взлететь, но может и упасть, так как стоит на краю пропасти. Сейчас наука, технологии дают возможность подняться выше, но ведь можно и упасть в пропасть, перестать быть человеком.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вопрос к господину Меттану. Он недавно выпустил потрясающую книгу о более чем тысячелетней русофобии Западной Европы, Англии по отношению к России. В связи с этим интересно узнать мнение господина Меттана: почему в рамках одного типа культуры существуют антагонистические отношения между различными ветвями. Например, почему существуют кровожадные конфликты между суннитами и шиитами? Россия относится к Западу с традиционной любовью, правда, в последние годы эта любовь сопряжена с некоторой критикой. Здесь все больше относятся к Западу как к любимому родственнику, с которым происходит что-то не то. Но у нас такое впечатление, что Запад ненавидит Россию практически на генном уровне. Хотя мы — две ветви одной цивилизации. Господин Меттан, с чем Вы связываете такое отношение Запада к России?

Г. МЕТТАН: — На этот вопрос нельзя ответить коротко. С моей точки зрения, Вы правы. Абсолютно парадоксально видеть, как западная часть цивилизации недолюбливает, даже не любит Россию, которая является частью той же цивилизации. Но это реальность, и мы каждый день наблюдаем в США и в Западной Европе проявления этого. Для меня удивительно, как это могло случиться. Я пытаюсь это объяснить себе и нахожу исторические корни, в основном религиозные. Эта пропасть между Россией и Западом базируется на религиозных моментах, связанных с расколом между ортодоксальной, православной церковью и римско-католической. В незапамятные времена появилась эта трещина. Европа была против греческого православия. И, может быть, неприятие коренится именно там. Сначала это было неприятие греческого ортодоксального православия, потом это перенеслось на Россию. И все это исторически воспроизводится с того времени.

Я думаю, что геополитические корни важны, потому что власть над миром переместилась из Европы в США, и теперь США — это держава-гегемон, не тер-

пящий конкурентов. То же самое можно увидеть в другие моменты развития человечества, когда две крупные державы становились конкурентами, и каждая хотела удержать власть. Такое уже было. Мы должны внимательнее изучать историю. Может быть, я не дам вам окончательного ответа, потому что представляю прессу, средства массовой информации. Почитайте «Нью-Йорк таймс» в США, «Монд» во Франции, «Таймс» в Великобритании, «Франкфуртер альгемайне» в Германии — они все, как мантру, повторяют одно и то же: Россия — «плохой парень», а мы хорошие. Это наша проблема. Но есть ли решение? Я попытался порассуждать на эту тему в своей книге, которая вышла в Швеции, Италии, США. Я попытался проанализировать ситуацию и обратиться к западному миру с призывом быть более вдумчивыми и искать решение противостояния двух сторон одной — европейской — цивилизации. Найти решение, как это преодолеть, — вот цель моей книги.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вопрос к Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову. Мы тут поговорили и о социализме, и о капитализме. Как Вы считаете, является ли постсоветская Россия периода Ельцина, периода Путина продолжательницей традиций Советской России, того типа цивилизации, или мы сегодня продолжаем что-то другое? А, может быть, ничего не продолжаем?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я, может быть, немного нарушу Ваш сценарий, буквально два слова хотел бы сказать в связи с предыдущим вопросом, что мы любим Запад, а он нас нет. На мой взгляд, то, что мы любим Запад, — это некоторое преувеличение. В нашей культуре, как в прошлом, так и сейчас, можно найти много показательных эпизодов именно нашей нелюбви к Западу. Достаточно вспомнить позицию Достоевского, его отношение к католикам, да и массу других вещей. И Запад ведь не всегда считал Россию «плохим парнем». В 1989 году делегация из девяти человек побывала в Америке. Боже мой, как нас встречали! Это было в так называемый «период Горби».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Они обрадовались, что мы не будем их бомбить.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Да, возможно. Неважно почему, но они нас замечательно встречали, перед нами были открыты все двери. То есть тогда мы были «хорошими парнями». Здесь речь идет о том, что все-таки нельзя отрываться от социальной исторической основы, которая определяет, или, во всяком случае, существенно влияет, как на поведение людей, так и на отношения между народами. Мы тоже в последнее время в своем мышлении слишком заиклились на геополитике. Мы их любим — они нас нет, мы разные нации, у нас разные культуры и т. д.

Теперь что касается Вашего вопроса ко мне. Конечно, Россия — продолжательница традиций Советского Союза не только формально, юридически, но и по сути. Здесь присутствуем мы, три философа, которые

работали в то время, были на виду, и сидят нынешние доценты, профессора и т. д. И в этом смысле мы видим прямую преемственность, весь вопрос в том, что мы продолжаем и от чего отказались. И чем дальше, тем больше это прослеживается: мы отказались, может быть, от самого ценного, что было в те годы, и от чего не стоило отказываться. Я так скажу: мы отказались от социального измерения нашего общества, нашего совместного существования, от культуры, образования, от той системы ценностей, где на первом месте все-таки были человеческие ценности, гуманитарные, а не те, которые связаны с прибылью, успехом в конкурентной борьбе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — То есть на работе должен быть капитализм, а после работы — социализм?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Во всяком случае, должно быть какое-то разделение. Я лично вижу это так: экономика, конечно, вполне может быть рыночной, но пусть она и остается только рыночной. Экономика — очень важная вещь, но пусть она знает свое место.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вопрос к Александру Петровичу Маркову. Сегодня понятно, что одна из больших бед техногенной цивилизации — это современная ситуация с обществом потребления. Может ли высокая культура быть массовой?

А. П. МАРКОВ: — Мой ответ будет, может быть, очевидный и примитивный. Чем массовая культура отличается от подлинной, высокой, глубокой? Все, что производится в массовой культуре, производится на продажу. Там продаются и произведения искусства, и любовь, там человеческие ценности превращаются в имиджи и бренды. Там даже самое святое — способность женщины рожать — становится товаром. Поэтому ключевой признак массовой культуры, который является базовым для человека потребляющего, — это в каком-то смысле закат. Если продолжать ту мысль, о которой я говорил, это закат христианской культуры, логоцентричной культуры; это закат той культуры, где между сущим и должным была пропасть, где человек должен был не потреблять, а думать о том, как ему сделать лучше собственную судьбу и собственную душу.

Вот я произнес слово «душа», и мне кажется, что оно больше относится к культуре язычества, которая существовала в гармонии с природой. А сейчас распространен гедонизм, мы все уже гедонисты. Академик Степин говорит о неизбежности такой эволюции человека и природы, но есть два неустраиваемых противоречия, которые убивают человеческую душу, — алчность и агрессия. В связи с этим мне вспоминается фраза, которую сказал Лунгин в одном из интервью после премьеры фильма «Остров» и которая меня удивила. Он сказал, что ему кажется, что до прихода Христа в этот мир у человека в принципе не было души как органа, способного сочувствовать, сострадать. Так что главная утрата, которая нас ждет, — это исчезновение души человеческой. И в этом смысле, я считаю, что у русской цивилизации, у нашей гуманитарной культуры особая

миссия, которая состоит в том, чтобы спасти человека. Весь гуманизм западной культуры происходит от латинской версии *Homo sapiens* — «человек из навоза». А мы должны утвердить человека как чело, обращенное к вечности. Это наша задача, в том числе и сегодняшней дискуссии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, наша дискуссия подходит к завершению. Предоставляю заключительное слово господину Агацци.

Э. АГАЦЦИ: — Александр Сергеевич, я не согласен с Вашим выводом, что на Западе есть неприязнь к России. Это неправда, ни в коем случае. Конечно, случались исторические реконструкции, которые вызвали определенные трудности, и религиозные противоречия имели место — православие и католицизм, Россия и Польша, и т. д. Я помню, в библиотеке моего отца были книги Достоевского, Толстого, Чехова, Тургенева, Пушкина и др. Когда мне было 18 лет, я прочитал их, также читал и французских, и немецких авторов, и всегда Россия казалась частью европейского сознания. Если мы посмотрим на историю: Джакомо Кваренги и другие архитекторы строили Петербург, русские композиторы приезжали из Петербурга в Вену и так далее и тому подобное, — это всегда было движение навстречу друг другу. Может быть, мы потом что-то потеряли, и возникла оппозиция между коммунизмом и капитализмом, между Советским Союзом и США, но европейцы, интеллектуалы чувствуют себя ближе к России, к русским, чем к США. Я бывал в Стэнфорде, в Питтсбурге и других научных центрах США, и могу сказать, что с интеллектуальной точки зрения мы гораздо ближе по духу к России, чем к американской культуре. Это неправда, что есть такая ненависть. Это совершенно антиисторический момент, в который мы сейчас живем, но тем не менее глобально — нет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Было очень интересно обменяться мнениями по этому поводу, но я не хотел сказать, что все европейцы нас ненавидят. Не сомневаюсь, что существенная часть Европы прекрасно относится к России. Но и господин Меттан прав в том, что все-таки есть такой негативный политический тренд, который сейчас поддерживается массмедиа. Теперь я вижу, что академик Степин хочет сказать еще несколько слов.

В. С. СТЕПИН: — Динамический хаос рано или поздно порождает порядок, то есть новое состояние устойчивости, как этап исторического развития сложной системы. Конечно, это не исключает катастрофических сценариев, которые могут привести к деградации общества и даже к уничтожению человечества. Поэтому в предвидении будущего современной цивилизации важно выявить те области риска и такие сценарии, которых необходимо избежать.

Утопии, которые продуцировала философская мысль и литература прошлых эпох, сегодня, при современных темпах социальных перемен, выглядят наивны-

ми. В них позитивный идеал будущего всегда подается в обрамлении конкретных представлений об обществе и будущей жизни людей, но сами эти представления содержат множество субъективных наслоений, корнями уходящих в повседневную жизнь их авторов.

Так, в знаменитом труде Кампанеллы «Город Солнца», который он написал в застенках инквизиции во время своего длительного заключения, можно найти следующие детали справедливой жизни в городе Солнца. В системе наказаний здесь первое место занимало побивание камнями, а второе — лишение женщины, что с точки зрения 34-летнего заключенного Кампанеллы представлялось равным пытке. Спаривались жители города Солнца по указанию начальников, детей отбирали — их воспитывало государство. Все жители трудились, а те, которые были немощными и слепыми, тоже должны были работать на благо общества — они слушали, что говорили окружающие их люди и сообщали начальникам и начальницам.

В современной социальной жизни утопии уже не имеют притягательной силы. Их заменили антиутопии (Хаксли, Оруэлл, Замятин и др.). И для прогноза будущего они играют свою положительную роль как предостережение от тех, уже реализуемых или наметившихся сценариев развития, которые способны привести человечество к деградации.

Сегодня формирование новой системы ценностей и ее укоренение является ключевым аспектом в процессах перехода к новому типу цивилизационного развития.

Как я уже отмечал, при переходе от традиционалистского к техногенному типу развития целостная матрица формировалась и укоренялась более трех столетий. В современных условиях аналогичный процесс будет протекать в ускоренном темпе. Многие футурологи называют начало второй половины века временем кардинальных глобальных перемен. Но даже если согласиться с этими, исторически довольно короткими сроками, в процессе становления и укоренения новой ценностной матрицы будут участвовать несколько поколений. И очень важно, чтобы сохранялся творческий потенциал поколенческих элит, призванных проделывать необходимую продуктивную работу в поиске

новых ценностных ориентиров. Как ни странно, эта задача сегодня отнюдь не простая. Весь стиль жизни современных обществ потребления формирует клиповое сознание широких масс людей, которое выступает противоположностью системному мышлению, и я согласен с профессором Э. Агацци, что нужна новая система воспитания и образования, которая бы возвращала высшие состояния человеческой ментальности. Сегодняшняя образовательная практика упрощения и понижения планки образования не отвечает задачам формирования системного мышления во всех его формах — от научного до художественно-образного, проявляющегося в логике художественного творчества. Научить мыслить — непростая задача. У великого отечественного педагога Д. Ушинского есть такое замечательное изречение: фантазировать легко, мыслить тяжело. Снижение уровня мышления неизбежно рано или поздно приведет к неспособности элит находить правильные решения в усложняющейся и подчас критической социальной обстановке.

И еще одно обстоятельство — в процессе воспитания и обучения важно, чтобы в сознании людей постепенно укоренился идеал сохранения человечества и биосферы как среды его обитания. В этом случае технологический прогресс будет целенаправленно идеями коэволюции человека и биосферы. И этот идеал должен определить исходную позицию оценки современных конкурирующих сценариев развития цивилизации.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — В заключение позвольте обратиться к студентам. Сегодня вы наблюдали интереснейший философский дискурс, из которого имеете возможность вынести много нового и полезного. Не знаю, в каких еще учреждениях страны могла бы пройти подобная дискуссия. Вы сегодня имели уникальную возможность посмотреть на одну и ту же проблематику глазами разных специалистов — государственных и общественных деятелей, экономистов, юристов, философов.

Хочу пожелать всем нашим участникам, гостям и студентам новых успехов в научной, творческой и учебной деятельности.